

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Е.А. Фриман

Искренность прошлогоднего (1876)
народного движения в Англии в
пользу турецких христиан

Опубликовано:
Христианское чтение. 1877. № 5-6. С. 737-766.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

Искренность прошлогодняго народнаго движенія въ Англіи въ пользу турецкихъ христіанъ

(Извлеченіе изъ статьи англійскаго профессора Фримана).

Поучительную сторону великихъ событій прошлаго года составляетъ ихъ дѣйствіе на англійскій народъ. На памяти настоящаго поколѣнія не было въ Англіи такого общаго движенія національнаго чувства и національной совѣсти, какое началось, когда англійскій народъ впервые услышалъ истинную повѣсть турецкихъ дѣяній въ Болгаріи. Никогда еще не было такого взрыва чувствованій, которыя были такъ благородны и такъ свободны отъ самолюбія. Люди возмущались не тѣмъ, что какая нибудь несправедливость была сдѣлана или угрожала имъ самимъ, ихъ друзьямъ или ихъ странѣ, но тѣмъ, что была сдѣлана несправедливость людямъ, о которыхъ многіе изъ нихъ не имѣли даже яснаго понятія, людямъ, о которыхъ многіе никогда прежде даже не слыхали. Англія волновалась и глубоко волновалась при разказахъ, истинныхъ и ложныхъ, объ ужасахъ послѣдняго индійскаго мятежа. Но чувства тогда не были вполнѣ свободны отъ самолюбія. Негодованіе на несправедливость было смѣшано тогда съ боязнію, гнѣвомъ, съ желаніемъ отмщенія, вообще со множествомъ личныхъ и національных чувствованій, которыя хотя не заслуживаютъ порицанія, но все-таки не могутъ назваться свободными отъ самолюбія. Въ разныя другія времена чувства симпатіи глубоко и широко распространялись по отношенію къ борьбамъ въ иноземныхъ странахъ. Англійскій народъ сочувствовалъ Греціи, Польшѣ, Италіи, Венгріи. Но ни въ одномъ

изъ этихъ случаевъ чувство не было такъ глубоко, такъ всеобще; ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ выраженіе чувства не было такъ поразительно. Въ американскую войну, во время войны между Германіей и Франціей, англійскія симпатіи такъ были раздѣлены между противоположными сторонами, что какое нибудь общее выраженіе національныхъ чувствованій было невозможно.

I. Большинству англичанъ страшная повѣсть о дѣлахъ турокъ казалась чѣмъ-то страннымъ, чѣмъ-то выходящимъ изъ круга ихъ опыта. Что здѣсь на самомъ дѣлѣ не было ничего страннаго, что турокъ здѣсь поступалъ такъ, какъ онъ всегда дѣлалъ и прежде, какъ онъ всегда будетъ дѣлать, пока онъ останется туркомъ, это было неизвѣстно большинству тѣхъ, до которыхъ дошли болгарскія новости. Они содрогнулись, что́ вполне понятно; но они не только содрогнулись, но изумились. Тѣ же, кто зналъ прошлую и настоящую исторію тѣхъ странъ, гдѣ дѣлались эти дѣла, содрогнулись, но не удивились. Началось національное движеніе, подобныхъ которому мало. Англичане стремились на сходки, какъ будто дѣло шло объ ихъ собственномъ избавленіи, какъ будто ихъ сердца не могли успокоиться, пока они не наговорятся. Они приходили, чтобы дочиста вымыть свои руки отъ дѣлъ, о которыхъ разсказъ они только-что слышали. Казалось, будто земля и человѣческая натура получили оскверненіе, которое необходимо требовало нѣкотораго обряда очищенія, чтобы оно не тяготило совѣсти человѣчества. Никогда еще не было движенія, болѣе самопроизвольнаго, болѣе искренняго, и, какъ казалось, болѣе общаго. Токъ благородныхъ чувствованій былъ такъ стремителенъ, что совершенно ниспровергъ одну изъ наиболѣе глубоко укорененныхъ традицій повѣйшей англійской политической вѣры. Люди воспитывались на странномъ символѣ политической вѣры, что свобода и управленіе—вещи вполне справедливыя и святыя—должны быть защищаемы по сую сторону Адриатическаго моря, но что касается другой стороны его, то здѣсь правило другое,—здѣсь несправедливость и разбой, господство пришельцевъ и угнетателей должны быть оберегаемы, какъ необходи-

мыя для благосостоянія Англіи и человѣчества. Народу твердили, что турки — наши старые и вѣрные друзья, что ихъ интересы переплетены съ нашими, что поддержаніе ихъ власти—предметъ, изъ-за котораго англичане всегда должны быть готовы жертвовать своею кровью и деньгами, что независимость и цѣлость ихъ имперіи всегда должна быть самою главною и самою священною цѣлью политики всей Европы. Но традиціонная политика Англіи, которая обязывала насъ дѣлать зло, обратилась въ ничто предъ справедливымъ взрывомъ негодованія, предъ всеобщимъ крикомъ, который раздался, когда Англія увидѣла своего хваленаго друга въ его настоящемъ свѣтѣ. Двадцать лѣтъ назадъ народъ считалъ благороднымъ, что націи юго-западной Европы подали руку дружбы варварскимъ выходцамъ. Но когда народъ узналъ, что за варвары—эти друзья, все это ученіе обратилось въ ничто. Отъ одного конца Англіи до другаго народъ сходилъ, чтобы излить горечь раздраженія на „друга“, котораго любить его учили такъ долго. Скоро стала показываться перемѣна еще болѣе удивительная. Изъ всѣхъ пугаль английскаго ума самымъ большимъ для настоящаго поколѣнія была Россія. Можетъ быть это основывалось на томъ древнемъ принципѣ, что мы никого не ненавидимъ такъ сильно, какъ тѣхъ, которыми мы оказали несправедливость. Англичане были воспитаны на вѣрѣ въ то, что первая національная обязанность каждаго англичанина — ненавидѣть Россію самою слѣпою ненавистью, смотрѣть на каждый шагъ ея съ тупымъ подозрѣніемъ, доходить до бѣшенства при одномъ упоминаніи имени Россіи. Но когда английскій народъ узналъ, что Россія выступаетъ впередъ какъ predeterminedленная мстительница за дѣла, отъ которыхъ онъ содрогнулся, когда онъ услышалъ объ удивительномъ движеніи русскаго народа на помощь страдающимъ братьямъ, всѣ традиціонные предразсудки исчезли. Тѣ, которые могли припомнить положеніе умовъ въ Англіи двадцать три года тому назадъ, съ трудомъ вѣрили своимъ собственнымъ глазамъ и ушамъ, когда видѣли обширныя собранія англичанъ и слышали, что всякое слово въ похвалу Россіи, ея

царя и народа принимается съ оглушительными рукоплесканіями, между тѣмъ какъ всякое слово противъ нея остается мертвымъ, даже когда оно исходитъ изъ устъ перваго министра. Такая перемѣна произведена была одною силою правды и истины. Нація, въ продолженіе поколѣнія блуждавшая по пустынь „заблужденія“, наконецъ вышла изъ нея; она наконецъ увидѣла факты, какъ они есть, и перестала называть добро зломъ и зло добромъ. Естественныя движенія народа, сами по себѣ, всегда истинны и благородны. Когда нація дѣлаетъ несправедливость, почти всегда она дѣлаетъ ее потому, что ей невѣрно представляютъ факты. Двадцать три года тому назадъ англичанъ увѣрили, что турецкій угнетатель есть самъ угнетенная жертва. Ошибочно, но все-таки по благородному побужденію, нація вывела заключеніе, что ея дѣло идти на помощь этой мнимой „жертвѣ“. Прошлымъ лѣтомъ истина ясно предстала національному уму. Въ могучемъ порывѣ національнаго покаянія народъ англійскій объявилъ, что онъ не будетъ больше пособникомъ самой гнуснѣйшей тиранніи, какую когда либо видѣлъ міръ. Онъ объявилъ также, что, какъ бы ни поступали другія націи, честь Англій не должна быть омрачена какимъ бы то ни было участіемъ къ Турціи.

II. При самомъ началѣ этого великаго движенія въ Англій самымъ поражающимъ явленіемъ было его видимое единодушіе. Противъ него едва раздавались одиночныя голоса. Люди, которые никогда прежде не соединялись вмѣстѣ ни для какой другой цѣли, соединились для этой. Люди, которые были совершенно разъединены религіозными и политическими разностями, были готовы дѣйствовать вмѣстѣ въ этомъ дѣлѣ справедливости и милосердія. Въ движеніи противъ общаго врага челоуѣчества ни одна партія, ни одна секта не держалась въ сторонѣ. Казалось, будто вся нація объединилась одною общею цѣлью—сдѣлать справедливое не смотря ни на что. Несправедливость была сдѣлана Англією раньше и сдѣлана не тою или другою политическою партією, а самою націей. Англійскія правительства, и консервативныя и либе-

ральныя, одинаково погрѣшили въ дарованіи поддержки со стороны Англіи злему правительству турокъ. Обѣ главныя политическія партіи Англіи одинаково согрѣшили и можно было думать, что обѣ вмѣстѣ и раскаются. Во время такъ называемаго либеральнаго правительства Англія подписала безнравственный трактатъ 1856 года, по которому Англія, вмѣстѣ съ другими великими державами Европы, обязывалась не вмѣшиваться въ отношенія между султаномъ и его подданными, не взявъ никакой гарантіи кромѣ „турецкаго“ обѣщанія реформъ. То есть, если перевести эти слова съ дипломатическаго языка на простой, Англія обязывалась удержатъ порабоженныя націи юго-восточной Европы подъ игомъ угнетателей, которые никогда не знали, что значать слова: вѣрность и милосердіе. Во время консервативнаго правительства безнравственный трактатъ былъ примѣняемъ къ дѣлу. Въ это время англичанамъ запрещено было вмѣшиваться въ отношенія между султаномъ и его подданными до того, что они отказались спастъ безпомощныхъ женщинъ и дѣтей Крита изъ пасти ихъ безпощаднаго губителя. Преступленія обѣихъ сторонъ были равны. Безнравственное дѣло, которое предначертала либеральная голова, приложила къ дѣлу консервативная рука. Англичане въ прошломъ году всходили на трибуну, чтобы призвать обѣ партіи раскаяться предъ всѣмъ свѣтомъ и присоединиться къ національному заглаженію совершенныхъ націей несправедливыхъ дѣлъ. Но скоро стало ясно, что были умы, которые не могли подняться до высоты этой великой національной цѣли. Были умы, которымъ правила челоуѣколюбія, честь ихъ страны, казались ничтожнымъ дѣломъ сравнительно съ интересами партіи. Скоро оказалось, что тѣ, которые одинаково осуждали дурныя дѣянія обѣихъ партій, находили слушающихъ только изъ числа лицъ одной партіи и не находили изъ — другой. Скоро оказалось, что, въ то время какъ слушатели-либералы сидѣли спокойно, когда дѣйствія государственныхъ людей либеральной партіи выставались въ ихъ истинномъ свѣтѣ, консерваторы-слушатели отказывались одною и тою же мѣрою измѣрять дурныя дѣла государственныхъ людей

консервативной партіи. Либералы могли, если имъ было угодно, говорить жесткія вещи о прежнихъ и даже настоящихъ предводителяхъ ихъ собственной партіи, но они не должны были говорить противъ священныхъ именъ предводителей другой партіи. На многихъ трибунахъ мы могли бранить вполне свободно Пальмерстона; мы могли, если хотѣлось, бранить Гладстона; но было грѣхомъ и святотатствомъ не преклониться предъ священнымъ именемъ лорда Дерби. Люди, которые считали истиной то, что факты исторіи, законы справедливости и несправедливости неизмѣняемы, были скоро образумлены. Истина исторіи, законы нравственности были вполне хороши только до тѣхъ поръ, пока онѣ не затрудняли консервативнаго правительства; они были еще лучше, если служили къ тому, чтобы бросить бранное слово въ лицо либеральнаго правительства; но если они служили къ тому, чтобы затруднить консервативное правительство, чтобы охулить консервативныхъ государственныхъ людей, тогда они должны быть измѣнены. Относительно извѣстныхъ событій исторіи приказывалось мѣнять свой голосъ, нравственности—измѣнять свой кодексъ. Когда доходили до этихъ мѣстъ, раздавался крикъ: „прочь политиковъ“. Изъ всѣхъ глупыхъ криковъ консерваторовъ это—самый нелѣпый; потому что онъ раздавался при обсужденіи вопроса, каждое слово въ которомъ носить политическій характеръ. Крикъ этотъ показывалъ, какъ низко и узко пониманіе слова „политика“. Крикъ: „не нужно политиковъ“, которымъ сопровождали всякое упоминовеніе извѣстныхъ страницъ изъ нашей исторіи за послѣднія десять лѣтъ, могъ бы, въ смыслѣ риторической фигуры, быть понятъ такъ: „Погибни истина фактовъ, погибни истина нравственности; пусть погибнуть права сражающихся націй; пусть скорѣе погибнетъ честь и долгъ нашей страны, чѣмъ произнесется слово, могущее омрачить славу консервативнаго министра иностранныхъ дѣлъ, или пошатнуть право на занятіе консерваторомъ должности лорда хранителя печати“.

III. Въ Англіи есть люди, которые говорили обо всемъ входящемъ въ то, что называется Восточнымъ вопросомъ, въ

совершенно тѣхъ же самыхъ словахъ въ 1854 г., въ какихъ они говорили въ 1876 году. Есть также люди, которыхъ положеніе юговосточной Европы озабочивало уже много лѣтъ и которые пришли къ тому заключенію, что это дѣло не лозунгъ партіи на извѣстный моментъ, но дѣло истины и справедливости, дѣло исторіи и нравственности, дѣло политики въ самомъ высшемъ значеніи этого слова. Свобода юговосточныхъ земель имъ кажется вопросомъ, гораздо высшимъ, чѣмъ вопросъ о томъ, кто будетъ пользоваться властію и управлять Англіею въ слѣдующіе три или четыре года. Они оцѣниваютъ поддержку или оппозицію англійскому министру только съ той точки зрѣнія, клонится ли его политика къ освобожденію поработенныхъ націй или къ закрѣпощенію ихъ. Въ ихъ глазахъ этотъ великій нравственный вопросъ, вопросъ о томъ, чтобы не сдѣлать вѣковой несправедливости, вопросъ о заглаженіи великаго національнаго грѣха — стоитъ гораздо выше поддержанія или паденія министерствъ. Они мыслятъ, говорятъ и дѣйствуютъ все однимъ и тѣмъ же образомъ, кто бы ни былъ во власти. Когда Гладстонъ выступилъ впередъ какъ боецъ за справедливость, когда его горячія слова побудили сердца англійскаго народа къ еще большей ревности въ этомъ дѣлѣ справедливости, всѣ эти люди присоединились къ нему, чтобы имѣть такого руководителя. Но ихъ собственные слова, думы и дѣйствія никоимъ образомъ не стали въ зависимость отъ того факта, что они имѣютъ Гладстона своимъ вождемъ. Они привѣтствовали слова его какъ истинныя, но не какъ новыя. Что говорилъ Гладстонъ и что они собирались слушать, было тоже самое, что они сами говорили двадцать три года тому назадъ. Выступилъ впередъ лордъ Биконсфильдъ или лордъ Дерби, чтобы говорить то же самое, что говорилъ Гладстонъ, они одинаково бы обрадовались имъ, какъ своимъ соратникамъ и одинаково бы привѣтствовали ихъ. Горячей борьбой за справедливость лордъ Дерби могъ бы даже загладить свои дѣянія на Критѣ, какъ Гладстонъ загладилъ свое участіе въ Крымской войнѣ. Но если лордъ Биконсфильдъ и лордъ Дерби взяли на себя защиту несправедливости, должны ли

были мы повѣрить, что справедливость и несправедливость могли чрезъ это измѣниться въ самой своей природѣ? Гладстонъ загладилъ свою ошибку, лордъ Дерби не загладилъ своей. Герцогъ Аргайльскій явился бойцомъ добра; лордъ Биконсфильдъ — защитникомъ зла. Духъ партіи достойнъ порицанія, когда онъ приводитъ человѣка къ перемѣнѣ убѣжденій, которыхъ онъ держался, къ публичному провозглашенію убѣжденій, которыхъ онъ не держится, когда заставляетъ подлаживаться къ моментальнымъ выгодамъ политики. Духъ партіи заходитъ въ такомъ случаѣ слишкомъ далеко и становится духомъ лжи, когда человѣкъ начинаетъ одобрять то, что онъ иначе осудилъ бы, потому только, что это — политика предводителя его партіи, — когда онъ вслѣдствіе этого открыто осуждаетъ то, что въ душѣ одобряетъ; на страницахъ исторіи и на страницахъ официальной Синеи книги находится сообщеніе, въ которомъ, по приказанію лорда Дерби, нашимъ консуламъ и морскимъ офицерамъ было запрещено оказывать милость несчастнымъ Критянамъ. Фактъ — вѣ сомнѣніи. Вѣ сомнѣніи конечно и приговоръ нравственности надъ такимъ фактомъ. Однако, когда этотъ фактъ упоминался, не было попытокъ отрицать фактъ; не было испытокъ и оправдывать его; весь отвѣтъ состоялъ въ крикѣ противъ злонамѣренности людей, которые осмѣливались порицать какое бы то ни было дѣйствіе такого всесовершеннаго человѣка какъ лордъ Дерби.

Всегда должно имѣть въ виду тотъ фактъ, что въ Англіи были люди, — многіе ли, не берусь сказать, — у которыхъ интересы къ этимъ дѣламъ начались и пробудились не съ такъ называемыхъ болгарскихъ звѣрствъ и образъ мыслей которыхъ не зависѣлъ отъ соображеній какой либо англійской партіи. Доктрина же, проповѣдывавшаяся консервативными газетами, состояла въ томъ, что нѣкоторые слабоумные люди были доведены до сантиментальныхъ чувствованій разказами о „Болгарскихъ ужасахъ“ и что нѣкоторые коварные люди вздумали обратить это движеніе противъ перваго министра. Совершенно вѣрно, что дѣла турокъ въ Болгаріи побу-

дили подумать о несправедливостяхъ, которымъ подвергаются поработанные націи юговосточной Европы, многихъ такихъ лицъ, которыя прежде никогда не думали объ этомъ. Какъ далеко заходила дерзость тѣхъ, которые осмѣлились обратить эти новыя симпатіи противъ правительства, это—вопросъ, допускающій различныя отвѣты, смотря по тому, какъ понимать его. Если онъ означаетъ, что нѣкоторые лица, сами по себѣ хладнокровно относившіяся къ несправедливостямъ, которымъ подвергаются покоренныя земли, воспользовались ими какъ орудіемъ противъ людей, которыхъ внутренней политики они не одобряютъ, то такое поведеніе достойно самаго сильнаго порицанія. Но нужно еще доказать, что кто нибудь поступалъ такимъ образомъ. На дѣлѣ же это—только пустое предположеніе безъ всякой тѣни доказательства; а въ приложенія къ людямъ, съ самаго начала принявшимъ участіе въ этомъ движеніи, оно оказывается очевидною ложью. Я могу сказать это о себѣ и о другихъ, которымъ все это дѣло не представляеть ничего новаго,—которымъ, наконецъ, новостью представлялось только то, что въ то время, какъ мы говорили это же самое двадцать три года тому назадъ и даже десять лѣтъ тому назадъ и не находили слушающихъ, теперь нашли ихъ. Намъ дѣла въ Болгаріи не представляли ничего новаго и удивительнаго. Они просто были тѣмъ, что турокъ дѣлаеть всегда, какъ только представляется случай. Тоже самое турки пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ дѣлали на Хіосѣ и Кипрѣ, что они очень недавно дѣлали въ Дамаскѣ. Дѣйствительное различіе между турецкими дѣлами въ 1876 г. и дѣлами ихъ во всякомъ другомъ году—только то, что дѣла 1876 г. составляютъ высшую степень сравнительно съ дѣлами, которыя случались нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Здѣсь, впрочемъ, есть и другое различіе, именно то, что они дошли до массы англійскаго народа путемъ, каковымъ никогда не доходили прежде случавшіеся факты подобнаго же рода. Массы англійскаго народа въ первый разъ теперь узнали, что такое турки въ дѣйствительности. И когда они узнали, что такое турки въ дѣйствительности, справедливое ихъ негодованіе естественно отъ турокъ

перешло и на ихъ английскихъ пособниковъ. Нравственное движеніе, возбужденное разсказами о болгарскихъ ужасахъ, коснулось и чело-
вѣка, который отрицалъ ихъ и смѣялся надъ ними. Гнѣвъ и
удивленіе, которыя пробудились когда народъ узналъ, какъ турки
подавляли возстаніе, повели къ осужденію и министра, не стыдив-
шагося нисать туркамъ депеши, побуждавшія ихъ скорѣе подавить
инсуррекцію. Лѣтомъ 1875 г. началось возстаніе въ Герцеговинѣ.
Подобныя возмущенія отъ времени до времени всегда вспыхивали и
въ Герцеговинѣ, и въ другихъ странахъ, и они были подавляемы
по обычной у турокъ системѣ. Новое возмущеніе началось. Слѣ-
пымъ глазамъ дипломатовъ оно казалось маловажнымъ. Они не могли
предвидѣть, что маленькое облако, не шире человѣческой руки,
можетъ весьма быстро разростись. Они стояли за усмиреніе его
силою оружія, потому что оно безпокоило ихъ дремоту. Но тѣ,
кто знали нѣсколько прошедшее и настоящее, судили иначе.
Они знали, что возмущеніе, начавшееся въ Герцеговинѣ полтора
года тому назадъ, — есть дѣло, отъ котораго нельзя избавиться
такъ легко. Они знали, что теперь наконецъ поработенныя націи
задумали достигнуть свободы или погибнуть. Многоразличными пу-
тями многие изъ насъ пытались, какъ мы пытались и прежде въ
подобныхъ случаяхъ, обратить вниманіе на начавшіяся великія
событія. Мы старались, какъ только могли и какъ только каж-
дый умѣлъ, показать, что на самомъ дѣлѣ означаетъ возмущеніе и
привлеченіи симпатіи англичанъ къ людямъ, вынужшимъ мечъ за самое
благородное дѣло, за какое только онъ можетъ быть вынута. Мы
дѣлали, сколько могли; но въ нѣсколько мѣсяцевъ мы могли сдѣ-
лать очень немного. Мы могли найти только немногихъ слушателей,
говоря о темныхъ дѣлахъ въ Босніи и Герцеговинѣ. Наконецъ
турки сами заставили обратить на насъ вниманіе, котораго мы передъ
этимъ тщетно добивались. Они расправились съ Болгаріей по своему,
и вдругъ оказалось, что английскій умъ думаетъ такъ же, какъ
за долго до этого думали мы, что английскій народъ говоритъ
тоже, что мы говорили за долго до этого времени. Если

правители англійскаго народа задумали стать поперегъ дороги великому народному движенію, если они усвоили себѣ убѣжденія, которыхъ не раздѣлялъ англійскій народъ, если они захотѣли говорить то, чего Англія не думала: то это ихъ собственная ошибка, а не наша. Наши воззрѣнія на восточныя дѣла образовались не вслѣдствіе Болгарскихъ звѣрствъ и не вслѣдствіе поведенія консервативнаго правительства по отношенію къ этимъ звѣрствамъ. Намъ было пріятно великое народное движеніе, которое пришло намъ на помощь; намъ былъ пріятенъ великій ораторъ и государственный человѣкъ, котораго языкъ и перо явились на поддержку. Мы говорили, какъ приказывала намъ говорить правда, о людяхъ, которые стали противъ великаго дѣла справедливости, о людяхъ, которые насмѣхались надъ патріотизмомъ и которые говорили намъ, что Англія соединена съ тираномъ узами денежныхъ интересовъ. Но что касается нашего собственнаго положенія, то оно не измѣнилось; оно не окрасилось въ другія краски ни народнымъ движеніемъ, ни министерскою оппозиціею этому движенію. Мы просто защищали справедливость, какъ и всегда. Мы обрадовались, что народъ англійскій сталъ за справедливость. Намъ было горько видѣть англійское правительство на сторонѣ несправедливости. Но это не произвело перемѣны въ убѣжденіяхъ и чувствованіяхъ, которыя образовались въ насъ много лѣтъ назадъ. Мы радовались народному движенію, потому что оно доставило намъ вниманіе націи къ истинамъ, котораго для нихъ мы не могли найти прежде. Мы не сообразовали нашего образа мыслей или нашихъ словъ съ тѣмъ, находили ли государственныхъ людей одной партіи помогающими намъ и людей другой партіи въ ряду противниковъ нашихъ. Мы почитали государственныхъ людей одной партіи и осуждали государственныхъ людей другой, потому что мы находили однихъ дѣйствующими за, а другихъ противъ тѣхъ принциповъ, которые давно признали истинными и справедливыми.

Насколько дѣло касается лицъ, работавшихъ въ этомъ дѣлѣ, я могу сказать, что нападеніе на дѣйствія правительства

изъ-за одного только духа партіи, изъ-за одной только мятежной оппозиціи настоящему министерству, — такой смѣшной абсурдъ, что я, можетъ быть, слишкомъ много потратилъ времени на то, чтобы доказать его ложь. Это могли выдумать только люди, которые не могутъ понять, какъ можно дѣйствовать, руководясь какими нибудь другими мотивами, кромѣ интересовъ партіи. Это могло быть выдумано только людьми, которые не могутъ представить, что есть люди, которые судятъ о людяхъ и партіяхъ по ихъ принципамъ, а не о принципахъ, — по людямъ и партіямъ, которымъ кажется чѣмъ-то выходящимъ изъ ряду, если человекъ занимается вопросомъ многіе годы только для самого себя, если онъ образуетъ убѣжденія только для самого себя и если онъ судитъ и о людяхъ по масштабу этихъ убѣжденій. Я вкраткѣ выскажу собственные убѣжденія относительно дѣятельности англійскихъ политическихъ партій въ восточныхъ дѣлахъ. Они сводятся къ слѣдующему: либеральная и консервативная партіи въ Англійи равно погрѣшили противъ страдальческихъ народовъ Востока. Но либеральная партія сдѣлала нѣчто, чтобы загладить свои грѣхи, между тѣмъ какъ консервативная не сдѣлала ничего. Гладстонъ и герцогъ Аргайлскій отвѣтственны за крымскую войну противъ Россіи, между тѣмъ какъ лордъ Биконсфильдъ и лордъ Дерби не отвѣтственны за нее; вѣрнѣе же то, что отвѣтственна за нее вся англійская нація, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ, которые открыто протестовали противъ нее. Ни настоящее, ни прошедшее правительство не отвѣтственны прямо за парижскій трактатъ; онъ — преступленіе національное, вина котораго должна быть раздѣлена между обѣими партіями поровну. Но, съ другой стороны, глава либеральной партіи болѣе чѣмъ загладилъ свою первую ошибку добрыми дѣлами по отношенію къ Сирии, Румыніи, Греціи и Болгаріи, между тѣмъ какъ у консервативныхъ предводителей я не вижу ничего, что бы могло изгладить ихъ долю участія въ общей національной несправедливости. Коротко, обѣ стороны сдѣлали много зла; но одна сторона сдѣлала нѣчто, чтобы вознаградить за это зло, въ то время какъ другая не сдѣ-

лала ничего. Я поэтому присоединяюсь въ этихъ дѣлахъ къ тѣмъ, которые, если и сдѣлали много зла, сдѣлали также нѣчто и доброе. Если это — духъ партіи, то я не могу согласиться, что этотъ духъ — худая вещь. Но скорѣе подъ духомъ партіи нужно разумѣть духъ, который требуетъ, чтобы мы высказывали или скрывали наши убѣжденія просто потому, что они могутъ „затруднять“ того или другаго министра. Мы недавно обвинялись въ партіозномъ духѣ за то, что настаивали на своемъ правѣ судить о людяхъ по дѣйствіямъ и отказывались судить о дѣйствіяхъ по людямъ. Но на дѣлѣ обвиненіе въ партіозномъ духѣ очень близко къ абсурду, когда оно прилагается ко всей массѣ либеральной партіи, когда это обвиненіе прилагается и къ тѣмъ, кто сдѣлалъ восточныя дѣла главнымъ предметомъ своего мышленія многіе годы назадъ. Если бы лордъ Биконсфильдъ и лордъ Дерби отдались національному движенію, вмѣсто того чтобы идти противъ него или насмѣхаться надъ нимъ, никто не отказался бы слѣдовать ихъ водительству только потому, что они — лордъ Биконсфильдъ и лордъ Дерби. Что это истина — доказывается тѣмъ, что случилось послѣ. Если образъ дѣйствій либеральной партіи былъ внушаемъ проститъ партіознымъ духомъ, простымъ желаніемъ поперечить консервативному правительству, то ихъ оппозиція простиралась бы на одного министра въ такой же мѣрѣ, какъ и на другаго. Но мы различали людей, которые поставили себѣ задачею противостоять всему доброму и благородному, и людей, которые хотя различались отъ насъ во внутренней политикѣ, но которые въ другія времена доказали, что они могутъ совѣсти пожертвовать партіею и которыхъ сердца, (мы имѣемъ всѣ причины вѣрить этому) были въ этомъ дѣлѣ на сторонѣ справедливости. Слепая оппозиція консервативнымъ министрамъ распространила бы обвиненія и на лорда Салюсбери, какъ и на лордовъ Биконсфильда и Дерби. Но этого не было. Въ то время, какъ мы откровенно высказывались противъ лордовъ Биконсфильда и Дерби, ниодинъ человекъ не сказалъ слова противъ лорда Салюсбери. Ниодинъ либераль не говорилъ о немъ въ этомъ дѣлѣ иначе,

какъ съ полнымъ уваженіемъ. Онъ отправился на свое дѣло въ Константинополь, сопровождаемый одобреніемъ и сочувствіемъ его политическихъ противниковъ. Мы знали трудности, съ которыми онъ отправлялся бороться, — трудности заключающіяся въ самомъ этомъ дѣлѣ и спеціальныя трудности, которыя встрѣчаетъ всякій, кто подчиненъ такому начальнику какъ Биконфильдъ. Но мы смотрѣли на лорда Салюсбэри, какъ на честнаго англичанина, который сдѣлаетъ все лучшее, что онъ можетъ сдѣлать въ дѣлѣ, за которое взялся. И мы говорили, какъ чувствовали. На огромномъ собраніи въ залѣ св. Іакова много разъ упоминалось имя лорда Салюсбэри и всегда съ уваженіемъ; нѣсколько разъ упомянулось имя лорда Биконфильда и возбуждало общее омерзенеіе.

IV. Слѣдовательно не вина либеральной партіи, не вина тѣхъ лицъ, которые всегда были либералами въ восточныхъ и западныхъ дѣлахъ, что дѣло, которое должно бы быть національнымъ дѣломъ, стало нѣкоторымъ образомъ дѣломъ партіи. Не ихъ вина, что крикъ: „справедливость восточнымъ христіанскимъ народамъ“, который долженъ бы быть крикомъ всей Англіи, который на моментъ, казалось, и былъ крикомъ всей Англіи, сталъ лозунгомъ только одной національной партіи, а не всей націи. Это была вина тѣхъ людей, которые считаютъ интересы даннаго правительства въ Англіи выше, чѣмъ требованія справедливости, чѣмъ освобожденіе поработанныхъ націй, которымъ мы оказали несправедливость. Это было несчастье. Мы дошли до такого положенія вещей, что слово „тори“ означаетъ „турки“. Удивительно видѣть, съ какою ревностію вся консервативная пресса выступила за дѣло угнетателей. Не было никакого признака въ началѣ прошлаго года, чтобы они оказались такъ ревностны на этомъ пути. Безъ сомнѣнія тори всегда хорошо помнили нашу „традиціонную политику“ и легко могли повторить обычныя формулы о „цѣлости и независимости Оттоманской имперіи“. Но они не выказывали особой ревности къ этому дѣлу. Они не выказывали ни чрезмѣрной любви къ туркамъ, ни злой ненависти къ христіанамъ. Ихъ умы очевидно были готовы пойти по какой-либо дорогѣ,

по которой поведутъ ихъ предводители. Мы можемъ быть увѣрены, что если бы лордъ Виконсфильдъ написалъ брошюру о болгарскихъ ужасахъ, они зарукоплескали бы этой брошюрѣ. Мы убѣждены, что если бы лордъ Дерби писалъ депеши въ пользу инсургентовъ или Сербіи, они бы горячо одобрили эти депеши. Взрыва любви къ туркамъ и ненависти къ христіанамъ не показывалось, пока не было дано сигнала изъ главной квартиры. Тогда-то они открыли, какъ прекрасно правленіе турокъ и какъ безнравственно возмущеніе христіанъ, возставшихъ противъ этого правленія. Тогда стало ясно крайнее различіе между двумя партіями не только относительно средствъ, но и относительно цѣлей. Если бы у консервативной партіи была на сердцѣ свобода юго-восточныхъ націй, они не подбирали бы всякій истасканный аргументъ въ пользу тирана и противъ его жертвъ. Они же хватались бы съ радостію, иногда не находившею на человѣческую, за всякій разсказъ, истинный или ложный, который какимъ бы то ни было образомъ могъ говорить противъ людей, которые возстали, чтобы спасти себя и своихъ братьевъ отъ жестокаго угнетенія. Была дана команда, и они повиновались ей. Если бы лордъ Виконсфильдъ похвалилъ Сербію, и они стали бы хвалить ее. Но лордъ Виконсфильдъ оклеветалъ Сербію, и ихъ главнымъ занятіемъ стало клеветать на Сербію. Лордъ Виконсфильдъ угрожалъ Россіи, и ихъ главнымъ дѣломъ стало угрожать ей. Какъ мало разсудительнаго и основательнаго въ воинственныхъ крикахъ консерваторовъ—это ясно видно изъ того факта, что самымъ общеупотребительнымъ крикомъ всѣхъ консервативныхъ газетъ былъ крикъ о Польшѣ. При каждомъ упоминаніи о Россіи, либераловъ просили не забывать о „Польшѣ“. Болѣе всего вѣроятно, что либералы сами помнили о Польшѣ очень хорошо; болѣе всего вѣрно, что симпатіи къ Польшѣ въ Англіи—не дѣло консерваторовъ. Говорятъ, всякій хлысть бьетъ собаку; такъ, кажется, и всякій аргументъ, какъ бы онъ ни опровергалъ самъ себя, можетъ годиться противъ политическаго противника. Всеми этими способами, самою слѣпою работою партіознаго духа, болѣе

шинство англичанъ ошибочно направилось на защиту самой безнравственной тиранніи. Они говорили намъ: „перестаньте и не дѣлайте затрудненій правительству нашей страны“. Мы говорили: „мы будемъ поддерживать правительство нашей страны, когда оно будетъ поступать справедливо; и будемъ препятствовать ему, когда оно будетъ поступать дурно“. Но мы могли бы присовокупить: „перестаньте препятствовать тому, что гораздо важнѣе правительства частной страны; перестаньте служить помѣхою цивилизованному міру, когда онъ хочетъ избавить себя отъ самого позорнаго пятна“.

М. Но кромѣ формальной оппозиціи со стороны консервативной партіи мы имѣемъ другихъ враговъ, съ которыми должны бороться. Нѣтъ причинъ думать, что обитатели Лондона—все—думаютъ различно отъ обитателей другихъ частей Англии. Но совершенная правда то, что среди извѣстныхъ классовъ жителей Лондона,—среди тѣхъ классовъ, которые мечтаютъ о себѣ, что они составляютъ Лондонъ, и даже иногда, что они составляютъ Англию,—мы находимъ самую жестокую оппозицію справедливому рѣшенію восточнаго вопроса. То, что зоветъ себя обществомъ, совершенно противъ насъ. Военные естественно заботятся о томъ, что обѣщаетъ повышеніе и такъ далѣе; но къ несчастію традиціи этого класса склоняютъ его членовъ болѣе охотно искать повышенія въ войнѣ за Турцію, чѣмъ—противъ нея. Въ военныхъ преданіяхъ Турція—старый другъ, а Россія—старый врагъ. Конечно, есть люди въ арміи, которые возвышаются надъ такими чувствами, у которыхъ чувство справедливости и несправедливости такъ же чутко, какъ и у другихъ людей,—люди, которые лучше другихъ людей зная, что такое война, содрогаются больше чѣмъ другіе предъ несправедливой войной. Но это люди, которые думаютъ самостоятельно, и которые возвышаются надъ традиціонными предразсудками этого сословія. Такъ же точно и дипломатическая профессія; все традиціи и предразсудки дипломатовъ такъ же на сторонѣ турокъ; все ихъ непонятныя фразы, которыя они механически повторяютъ,—въ пользу

турокъ. «Morning Post» — противъ насъ; эта газета, можетъ быть, болѣе всѣхъ другихъ туркофильская. Сама по себѣ газета «Morning Post» не такова, чтобы ктонибудь могъ беспокоиться, противъ него она или за него; но самый фактъ, что «Morning Post» противъ насъ, — достоинъ замѣчанія. Онъ показываетъ, что классъ, который представляетъ «Morning Post», — вполне противъ насъ. Есть слѣдовательно классъ литераторовъ, который, иногда въ силу простаго факта проживанія въ Лондонѣ, кажется воображаетъ себя надѣленнымъ нѣкоторою особенною мудростію. Многимъ изъ нихъ это великое національное движеніе причиняетъ досаду, просто потому, что оно — національное. Усіія толпы, собравшейся вмѣстѣ, чтобы дать выходъ горячему чувству противъ несправедливости, — нѣчто, чего они не могутъ понять, это есть нѣчто низшее ихъ, нѣчто низкое, вульгарное, не модное, нѣчто такое, къ чему ихъ безразличные вкусы не могутъ имѣть никакой симпатіи. Многимъ изъ этихъ людей самая горячность убѣжденія кажется вещью достойною презрѣнія. Они не понимаютъ глубины словъ Гизо, что „инстинкты народа видятъ дальше negoціантовъ и дипломатовъ“. „Агитаторы“, „демагоги“ — у нихъ терминъ презрѣнія и почти омерзенія. Было бы тѣтено говорить имъ, что агитація — нравственна, что титулъ „глава народа“, — титулъ, который носилъ Перикль, — самый высшій титулъ, какой только можетъ носить человѣкъ. Горячность, сама по себѣ, уже для нихъ преступленіе; тотъ великій фактъ, что люди имѣютъ сердца такъ же, какъ и головы и что, вліяя на ихъ головы, можно вліять и на ихъ сердца, кажется, неизвѣстенъ въ этихъ вышколенныхъ и спокойныхъ кружкахъ. „Онъ сантименталенъ“ — обычная форма выраженія презрѣнія къ людямъ, которые не стыдятся благородныхъ чувствованій, побуждающихъ къ великимъ дѣламъ. „Онъ — филантропъ и сливкомъ человѣченъ“ — любимыя выраженія презрѣнія у тѣхъ людей, которые рисуются своею холодностію ко всему. Къ убѣжденію въ своемъ социальномъ и интеллектуальномъ превосходствѣ прибавьте у этихъ личностей убѣжденіе въ своемъ религіозномъ превосходствѣ и вы бу-

дете имѣть полный типъ книжника и фарисея. Вдругъ поднимается движеніе — чисто народное, которое противорѣчитъ всей массѣ предразсудковъ и традицій. Выраженіе „турокъ-джентльменъ“ имѣеть огромное значеніе. Ни одного болгарина, можетъ быть, не видывали въ лондонской гостини; многіе турки бывали въ ней. Цѣлая масса чувствованій политическихъ, соціальныхъ возмущается подобнымъ движеніемъ; или, какъ его называютъ, „гнусной агитаціей“. Старое зло, противъ котораго боролся Сократъ, боровшійся противъ наружнаго образованія безъ реальности, противъ самодовольства тѣхъ, которые вѣжливы, утонченны и по вѣдѣнности выше другихъ и которые по силѣ этого самодовольства считаютъ себя въ правѣ презирать другихъ! Такое состояніе ума — фактъ; оно — дѣйствительное состояніе англійскаго высшаго общества, которое смѣется надъ Гладстономъ, какъ и надъ всякимъ дѣломъ, которое велико и благородно, — смѣется надъ тѣмъ, что англійскій народъ въ 1877 г., какъ и въ 1866 г., еще уважаетъ многія великія и благородныя вещи. Словомъ — дѣло свободы балканскихъ христіанъ не было въ Англии моднымъ дѣломъ, не интересовало высшаго общества.

VI. Была еще трудность, съ которою тоже приходилось бороться друзьямъ правды въ Англии. Для нихъ большую невыгоду составляло то, что они поддерживали дѣло *христіанскихъ* жертвъ. Для большинства, конечно, это обстоятельство — было главнымъ побужденіемъ къ помощи; но есть классы, которые думали и думаютъ относительно этого иначе. Есть въ Англии люди, которые открыто порицаютъ христіанство само въ себѣ и которые становятся противъ жертвъ турокъ только вслѣдствіе того, что страдальцы страдаютъ изъ-за христіанской религіи. Есть и другіе, которые сами ни не любятъ, ни не вѣрятъ въ христіанство, но которые чувствительны до болѣзненности къ религіозной терпимости и равенству — до того, что они впадаютъ изъ-за этого въ ту самую опасность, которой желаютъ избѣжать. Они такъ тщательно избѣгаютъ всего того, что могло бы быть несправедливымъ по отношенію къ магометанамъ, что становятся до жестокости несправедливы по отношенію къ

христіанамъ. Эти послѣдніе, очевидно, заблуждаются относительно истиннаго положенія дѣла. Никто и не желаетъ дѣлать хотя малѣйшей несправедливости какому нибудь магометанину, какъ магометанину. Все то, чего желали лучшіе люди, это — лишить магометанъ силы вредить христіанамъ. Но опытъ всей исторіи показываетъ, что у него нельзя отнять силы вредить христіанамъ, не положивъ конца его власти надъ ними. Вопросъ объ отношеніи между магометанами и христіанами на дѣлѣ — только часть еще бѣльшаго вопроса объ отношеніи магометанъ ко всякой другой религіи. Никакое магометанское государство не управляетъ справедливо подданными какой нибудь другой религіи, кромѣ магометанской. Всякое такое государство обязано, — это его религіозный долгъ, — держать своихъ подданныхъ другихъ религій въ положеніи подчиненности магометанскимъ подданнымъ. Если бы жертвами мусульманскаго гнета въ юго-восточной Европѣ были индусы или персы вмѣсто христіанъ, то положеніе ихъ было бы тоже самое. И мы исполнили бы и по отношенію къ нимъ ту же самую обязанность, какую теперь исполняемъ по отношенію къ христіанамъ. Но нѣтъ ничего постыднаго сказать, что эта естественная обязанность должна острѣе чувствоваться, когда эти жертвы — христіане, какъ и всякая обязанность острѣе чувствуется по отношенію въ другу, родственнику или согражданину, чѣмъ по отношенію въ совершенно чуждому человѣку. Мы не чувствуемъ никакого стыда допустить, что общность религіи между нами и страдальцами усиливаетъ чувство, которое было бы справедливо и по отношенію въ страдальцамъ всякой другой религіи. Но есть нѣкоторые умы, на которыхъ тотъ фактъ, что жертвы — христіане, вліяетъ иначе. Они боятся дѣйствія изъ-за одной только религіозной симпатіи: они боятся дѣйствовать „подъ вліяніемъ духа крестовыхъ походовъ“. Но что такое духъ крестовыхъ походовъ? Этотъ духъ справедливъ настолько, насколько онъ побуждаетъ насъ въ случаѣ необходимости сражаться за нашу собственную религію; онъ — несправедливъ, если идетъ дальше и побуждаетъ насъ сражаться противъ всякой другой религіи просто потому, что она — другая религія.

Нападать на магометанъ просто потому, что они — магометане, было бы верхомъ несправедливости; сражаться за освобожденіе христіанъ изъ-подъ магометанскаго гнета — дѣло справедливости и милосердія. Между тѣмъ какъ я чувствовалъ бы позывъ помочь страдальцамъ — іудеямъ, персамъ и индусамъ, я чувствую еще сильнѣйшій позывъ помочь христіанамъ. Я не чувствую стыда при проведеніи такого различія; иначе долженъ былъ бы чувствовать его человѣкъ, въ подобномъ же случаѣ указывающій на узы не религіозныя, а національныя. Всякій можетъ сказать, что въ то время, какъ онъ чувствуетъ себя обязаннымъ помогать всякому угнетенному, онъ чувствуетъ еще большую обязанность помочь угнетенному согражданину. Намъ возражаютъ на это слѣдующимъ софизмомъ: „Вы, значить, готовы идти, какъ странствующие рыцари, на отмщеніе всякой несправедливости, оказанной гдѣ бы то ни было?“ Нѣтъ, но наша обязанность — исправить несправедливости, которыя въ значительной степени — наше собственное дѣло. И когда люди, которые переносятъ эти несправедливости, — братья наши по христіанской вѣрѣ по праны невѣрными, — когда они родственны намъ по крови, по языку, по историческимъ воспоминаніямъ, по общей европейской цивилизаціи и по праны выходцами-варварами, — когда страны, которыя нужно освободить — древне-историческое мѣстопробываніе греческой образованности и римскаго права, — когда наша миссія состоитъ въ томъ, чтобы освободить тронъ Константина отъ несправедливаго варвара и очистить церковь Юстиніана отъ оскверненія ложнаго культа, — тогда можно, не чувствуя никакого стыда, сказать, что все это заставляетъ меня острѣе чувствовать обязанность, которая, если бы и отсутствовали всѣ эти мотивы, все-таки должна была чувствоваться какъ обязанность. Ее могутъ обозвать противники чувствомъ, страстью, энтузіазмомъ или еще иначе. Но чувство, страсть, энтузіазмъ суть часть природы человѣка, которая подобно другимъ частямъ ея можетъ быть прилагаема къ дѣлу справедливо или несправедливо. Она несправедливо прилагается къ дѣлу, когда побуждаетъ человѣка къ дѣйствіямъ, которыхъ разумъ не можетъ

одобрить. Она прилагается къ дѣлу справедливо, когда становится неотразимымъ побужденіемъ къ дѣлу, одобряемому разумомъ. Чувствительные ораторы, возстающіе противъ чувства, страстные порицатели страсти показываютъ на себѣ самихъ, что человѣкъ не есть существо только разумное, но и чувствующее и страстное. Люди никогда не рѣшились бы ничего сдѣлать, тѣмъ болѣе—пострадать за великое дѣло, они никогда бы не дѣлались патріотами, героями или мучениками только по однимъ математическимъ доводамъ. Что было бы съ обществомъ, еслибы члены его имѣли одни только головы, и не имѣли бы сердець? Сердца также должны имѣть вліяніе, какъ и головы.

Что касается до строго религіозныхъ аргументовъ, то относительно ихъ пережѣна фронта со стороны торійской партіи въ Англіи поистинѣ забавно. Кто не помнитъ преній 1868 и 1869 годовъ? Какими аргументами не бросали тогда въ Гладстона и его сторонниковъ за отнятіе доходовъ отъ протестантской церкви въ Ирландіи? Свои возраженія консерваторы брали тогда изъ чисто церковной сферы, притомъ самой узкой, возражая въ интересахъ не христіанства вообще, а одной изъ частныхъ формъ христіанства. Переустройство и лишеніе доходовъ ирландской церкви, по ихъ словамъ, было безнравственно, безрелигіозно и святотатственно. Странно, таже самая партія, которая такъ ревностно стояла тогда за имѣнія и десятину англиканской церкви, вовсе не выказала никакой ревности въ вопросѣ о жизни членовъ церкви болѣе древней. Тѣ, которые не могли допустить, чтобы одна копѣйка была отнята изъ церковныхъ средствъ, хотя бы даже для высшихъ христіанскихъ цѣлей, теперь вполне равнодушно смотрѣли на то, какъ христіанская плоть разрывается зубами поганыхъ. Насъ упрекали тогда дружбою съ папистами и нонконформистами противъ болѣе правильной формы христіанства. Тѣ, которые такъ укоряли насъ тогда, ничуть не совѣстятся теперь входить въ союзъ съ антихристомъ противъ христіанства. Тѣ самыя англійскія газеты, которыя возсылали вопли къ небесамъ противъ святотатственныхъ грабителей церкви въ Ир-

ландіи, теперь находятся въ союзѣ съ грабителями, палачами, исконными врагами родственныхъ намъ Восточныхъ церквей. Люди, которые порицали нашу безрелигіозность и нечестіе изъ-за интересовъ единичной церкви, теперь превозносятъ заслуги общаго врага всѣхъ христіанскихъ церквей и тыкаютъ пальцемъ въ каждую ошибку, которую они могутъ отыскать (чаще выдумать) въ христіанахъ Востока. Нѣбогда столь ревностные борцы за англійскій молитвенникъ и протестантскую Библию, теперь кажется въ тойже мѣрѣ являются ревностными борцами за Коранъ и его истолкователей. Люди, которые въ ужасѣ кричали при одной только мысли объ отобраніи отъ англиканъ одного церковнаго строенія для богослуженія ирландцевъ, теперь кажется хотятъ лучше того, чтобы святая Софія осталась навсегда мечетью лжепророка, чѣмъ чтобы она была возвращена для національнаго богослуженія грековъ и славянъ. Въ древнія времена „тори“ означалъ члена высокой церкви; въ болѣе позднія времена тори означалъ протестанта; пришло наконецъ время, когда тори или консерваторъ сдѣлался почти магометаниномъ.

Консерваторы и ихъ газеты насмѣхались и ругались надъ народнымъ движеніемъ въ Англии, указывая на то, что защита восточныхъ христіанъ свела вмѣстѣ людей, которые такъ далеко стояли другъ отъ друга на другихъ пунктахъ и о которыхъ нельзя было и подумать, что они могутъ дѣйствовать вмѣстѣ. На самомъ же дѣлѣ эта особенность была самою почтенною въ движеніи; она была, конечно, самымъ вѣрнымъ признакомъ того, что дѣло, которое свело людей, настолько различныхъ по всему, — справедливое, правое дѣло; она ясно показывала, что такое собраніе было не заговоръ или мятежъ, а было собраніемъ людей, которые нашли, что, при всѣхъ ихъ разностяхъ, у нихъ были общія узы высшія и могущественнѣйшія этихъ разностей, узы общей любви къ истинѣ и справедливости. Что можетъ быть лучшимъ доказательствомъ въ пользу извѣстнаго дѣла, какъ не то обстоятельство, что это дѣло принимается въ сердцу равно и членами высокой церкви и народной, и нонконформистами всѣхъ сектъ и на-

конецъ людьми, которые не имѣютъ опредѣленныхъ религіозныхъ убѣжденій? Въ они, при всѣхъ ихъ разностяхъ, были согласны въ одномъ, вышемъ всѣхъ ихъ разностей,—въ любви къ нравственно-доброму и въ ненависти къ нравственно-злому. Истина была такъ сильна, такъ ясна, такъ чиста, что люди, никогда прежде ни въ чомъ не соглашавшіеся, сошлись въ признаніи ея силы и чистоты.

Но оставимъ все это. Намъ еще говорили, что мы „неотвѣтственны“ и, поелику не отвѣтственны, то должны молчать. Я старался понять значеніе этого возраженія и не могъ. Не означаетъ ли оно, что никто не имѣетъ права разсуждать о публичныхъ дѣлахъ, если только онъ—не кабинетъ-министръ, или, самое крайнее, не членъ той или другой палаты? Если такъ, то что останется отъ англійскаго самоуправленія, отъ свободы обсужденія политическихъ дѣлъ? Зачѣмъ, въ такомъ случаѣ, выборы? Зачѣмъ газеты? Не означаетъ ли оно, что министръ, пожалуй даже членъ парламента, долженъ заботиться о томъ, что онъ дѣлаетъ и что говоритъ, потому что они отвѣтственны, но что частный избиратель, будучи неотвѣтственъ, можетъ не заботиться и не думать ни объ чомъ? При самоуправленіи политическая отвѣтственность не принадлежитъ исключительно министру; она принадлежитъ также, хотя и въ меньшей степени, представителю и еще въ меньшей степени избирателю. Представитель и избиратель должны быть также разборчивы въ приложеніи своей относительно малой отвѣтственности, какъ и министры—своей большой. Что касается до нравственной отвѣтственности, то она касается каждаго дѣйствія и каждаго слова всякаго человѣка. Ниодинъ человѣкъ—не неотвѣтственъ предъ судомъ нравственности; всякій человѣкъ, исключая раба, отвѣтственъ предъ политикою. Положеніе, что никто не можетъ разсуждать, что никто не можетъ судить о дѣйствіяхъ исполнительной власти,—на самомъ дѣлѣ совершенно новое и странное положеніе. Оно не старѣе трехъ лѣтъ. Положительно извѣстно, что отъ 1868 до 1874 года люди, которые также были неотвѣтственны (если мы теперь не-

отвѣтственны), не считали своего неотвѣтственного положенія препятствіемъ къ тому, чтобы говорить противъ исполнительной власти своего времени такъ же сильно, какъ всякій изъ насъ говорилъ противъ исполнительной власти тенерешней.

VII. Таковъ былъ ходъ чувствованій англійскаго народа относительно великаго славянскаго вопроса, или, что тоже, вопроса о заглаженіи прежнихъ несправедливостей Англій. Великое и благородное національное движеніе, спустя немного послѣ своего начала, встрѣтилось съ затрудненіями и помѣхами частію отъ людей, которымъ было не по вкусу всякое національное движеніе, частію отъ людей, которымъ право, долгъ и истинная честь ихъ страны были менѣ дороги, чѣмъ интересы министерства. При такихъ препятствіяхъ дѣятельность націи къ несчастію не была единодушною. Но мы все-таки не преувеличили дѣла, назвавъ великое движеніе прошлой осени въ Англій національнымъ движеніемъ. Оно было національнымъ настолько, насколько оно не было движеніемъ одного какого нибудь класса общества или одной какой нибудь секты или партіи. Оно было національнымъ настолько, насколько оно было внушено чувствованіями чисто народными, — чувствованіями, далеко высшими всего того, что можетъ понять слѣпой приверженецъ какой либо партіи. И оно не осталось безъ послѣдствій. То фактъ, что политика министерства измѣнилась. Лордъ Биконсфилдъ узналъ, что дѣла турокъ въ Болгаріи въ глазахъ націи были не предметомъ для остроумныхъ и злыхъ шутокъ, а дѣлами вызывающими глубокое негодование. Лордъ Дерби понял, что нельзя было больше писать депешъ, рекомендующихъ подавленіе возстанія во что бы то ни стало; онъ сталъ вмѣсто этого отправлять запоздалыя депеши съ цорицаніями тѣмъ, которые исполняли прежніе его совѣты такъ, какъ ему хотѣлось. Голосъ огромнаго собранія въ залѣ св. Іакова былъ отвѣтомъ націи на хвастовскую обѣденную рѣчь перваго министра въ Гильдголлѣ: было единодушно постановлено, что мы не должны сражаться за турокъ. Вой и крики консервативныхъ и министерскихъ газетъ, вызванные этимъ великимъ митингомъ, показали, какъ тяжелъ былъ

ударъ, который нанесъ этотъ митингъ. Нѣтъ лучшаго мѣрила для опредѣленія важности какого либо движенія, какъ сила ярости, вызванной имъ среди противняковъ. Одѣвиваемое этимъ масштабомъ (оставляя въ сторонѣ всякій другой) все движеніе было успѣшно въ такой мѣрѣ, въ какой никто не могъ ожидать, когда немногіе изъ англичанъ начинали свою проповѣдь въ пользу восточныхъ христіанъ въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1875 года. Мы, можетъ быть, и не многое сдѣлали; но многое предотвратили. Мы сдѣлали невозможнымъ и для самого лорда Биконсфильда броситься въ войну съ Россіей. Мы научили лорда Дербя, что Англія думаетъ о нѣкоторыхъ другихъ вещахъ, кромѣ ея собственныхъ интересовъ, что она не вполне забыла свои обязанности и честь.

VIII. Моя задача—изобразить истинный ходъ національнаго чувства Англіи въ этомъ великомъ дѣлѣ справедливости, милосердія и честности. Я пытался указать тѣ вліянія, которыя это великое увлеченіе частію приостановили, частію поставили въ ложномъ свѣтѣ. Но въ мою теперешнюю задачу не входитъ разоблачать всю ложь и лжемудріе, которыми опутали вопросъ сторонники зла. Люди, подобные анонимнымъ клеветникамъ на Черногорію и на всѣ Восточныя христіанскія государства, не стоятъ того, чтобы опровергать ихъ. При всякой формѣ правленія Арманъ—силенъ и такіе безыменные производители лжи суть его слуги, которые не покинутъ легко службы своему владыкѣ. Но для честныхъ сердець англійскаго народа слово предостереженія не будетъ излишне. Константинопольская конференція оказалась безуспѣшною. Она была осуждена на неудачу съ самаго начала. Предположенія, на которыхъ она основалась, были чисто сантиментальнаго свойства и совершенно непрактичны. Конференція основывалась на предположеніи, что свобода и хорошее управленіе могутъ быть до нѣкоторой степени примирены съ настоящимъ правленіемъ турокъ. Она основывалась на предположеніи, что присутствіе турецкихъ войскъ въ христіанскихъ странахъ можетъ быть совмѣстно съ сохраненіемъ жизни, собственности и семейной чести. Турокъ хотѣли заставить чрезъ учреж-

деніе международной комиссіи не дозволять своимъ войскамъ дѣлать то, что дѣлали турецкія войска постоянно прежде, и оставляли за ними право назначать правителей для странъ, желаніемъ которыхъ было избавиться отъ нихъ и ихъ управления навсегда. Изъ конференціи, которая приняла принципъ допущенія въ свои разсужденія преступниковъ (которые должны были быть вызваны только для выслушанія ея приговора), не могло выдти ничего хорошаго. Она признала за турками „права“, между тѣмъ какъ существуетъ общепризнанное правило, что нарушившій права не можетъ имѣть самъ никакихъ правъ. Намъ поражали тѣ случаи, когда Европа уступала „щепетильности“ ту-рокъ, именно „щепетильности“ и „чувствительности“ Митхада-паши, Савфета и другихъ, которыхъ руки были еще красны отъ крови, пролитой въ Болгаріи. Ничего не можетъ быть сдѣлано: жизнь, собственность и все то, что человекъ считаетъ дорогимъ, никогда не будутъ безопасны въ этихъ странахъ, пока мусульманскіе разбойники не будутъ обезоружены. Намъ возражали, что „святость гарема“ мѣшаетъ ихъ обезоружить. Вникните въ эту фразу. Гаремъ, которому приписывается „святость“, просто означаетъ сокровенное логовище разбойника и грабителя; онъ — берлога, въ которую увлекаются жены, дочери, сестры; сыновья, братья, тѣмъ или другимъ пашой, беємъ или агой похищенные у сосѣднихъ христіанъ для удовлетворенія гнусныхъ похотей. Если бы поступить по справедливости, то гаремы всѣхъ турокъ отъ высшаго до низшаго, должны бы быть обысканы до послѣдняго угла, чтобы вывести на свѣтъ гнусныя тайны этихъ тюремъ и дать свободу жертвамъ этихъ темныхъ насилій. Пока хотя одинъ турецкій солдатъ будетъ находиться въ землѣ христіанъ, пока вооруженные, азіатскіе варвары будутъ вичиться предъ безоружнымъ европейскимъ населеніемъ, до тѣхъ поръ конгрессы могутъ собираться, но ничего не выйдетъ изъ нихъ, и турокъ будетъ продолжать свою кровавую работу.

IX. Что же нужно дѣлать? Весь вопросъ въ томъ, потерпитъ ли англійскій народъ, чтобы дѣла оставались въ томъ же положеніи, въ какомъ они были прошлою осенью? Конференція не сдѣлала

ничего (я, не желая оскорблять монахъ читателей, не стану доказывать, что и конституція не сдѣлаетъ ничего), чтобы прервать то положеніе вещей, при которомъ всякая христіанская женщина, дѣвушка или мальчикъ всегда могутъ быть похищены безъ всякой надежды на возвращеніе, что все прямо вытекаетъ изъ „святости гарема“. Прошлогоднее движеніе англійскаго народа избавило Англію отъ веденія войны за поддержаніе святости гаремовъ. Но неужели мы не можемъ сдѣлать ничего болѣе? Неужели мы должны только говорить и не—дѣйствовать? Неужели такое движеніе національной совѣсти, какого никогда прежде не бывало въ Англіи, не воплотится въ какомъ нибудь положительномъ актѣ? Оно отмѣнило ту „традиціонную политику“, которая такъ долго была позоромъ для Англіи; но оно должно было бы и положить начало лучшей политикѣ. „Невмѣшательство“ во многихъ случаяхъ хорошо; но оно неприложимо къ случаямъ, когда вредъ, который долженъ быть вознагражденъ, въ большей части—наше дѣло. Тогда для заглаженія его не довольно одного воздержанія отъ дальнѣйшаго дѣланія зла; въ такомъ случаѣ нужно положительное дѣланіе добра. На тысячѣ публичныхъ митинговъ прошлаго года англичане заявляли, что никакое рѣшеніе не можетъ быть справедливымъ или прочнымъ, которое оставитъ возставшія славянскія земли подъ управленіемъ турокъ. Къ славянскимъ землямъ резолюціи-многихъ митинговъ присоединяли и Критъ, а нѣкоторые желали присоединить сюда и другія греческія земли. Этимъ опять подтверждается мудрое изреченіе Гизо. Инстинктъ народа ясно видѣлъ, что всѣ эти проекты комиссій и жандармскихъ корпусовъ никуда негодны. Народъ заявлялъ, что есть одно дѣйствительное средство, предписываемое опытомъ, средство, которое уже испытано и которое всегда, когда къ нему прибѣгали, удавалось: народъ требовалъ, что эти земли должны быть освобождены и что онѣ, самое меньшее, должны быть поставлены въ такое же положеніе, какъ Сербія и Румынія. Инстинктъ народа усмотрѣлъ, что всякая гарантія, кромѣ окончательнаго уничтоженія правленія турокъ, не пред-

ставляетъ бѣльшей цѣнности, чѣмъ бумага, на которой она напишется. Но дипломаты были слѣпы, какъ и всегда, и слѣпы слѣпотою такого свойства, когда слѣпые кричатъ: „мы видимъ“. Инстинктъ народа указывалъ, что лучше опять испытать средство, которое всегда удавалось, чѣмъ средство, которое никогда не имѣло успѣха. Одинъ министръ противъ этого аргумента говорилъ, что народъ не понимаетъ ничего въ иностранныхъ дѣлахъ. Другой объявилъ въ фразѣ, которая стала съ тѣхъ поръ чѣмъ-то въ родѣ пословицы, что средство, которое внушаетъ опытъ, лежитъ внѣ политическихъ видовъ; самъ по себѣ онъ не имѣлъ ничего противъ свободы славянъ и грековъ; но здѣсь, видите ли, были трудности. Лордъ Дерби повидимому не додумался до того, что есть трудности во всякомъ дѣлѣ, и что долгъ министровъ иностранныхъ дѣлъ (а равно и другихъ людей) вообще состоитъ въ преодолѣннн трудностей. Онъ послѣ всѣхъ событій не додумался до того, что тотчасъ понялъ народный инстинктъ, именно что, при обращеннн съ турками, трудность въ одномъ случаѣ такъ же велика, какъ и въ другомъ. Они не уступать въ самомъ ничтожномъ пунктѣ иначе, какъ подъ влнннемъ страха, но подъ влнннемъ страха они уступать и въ самомъ важномъ. Въ тотъ моментъ, когда конференцн допустила турокъ въ свои совѣщанн, уже все было потеряно; всѣмъ, кромѣ дипломатовъ, было ясно, что варваръ во всемъ идетъ своимъ путемъ. Требованн, подкрѣпленное русскою армеею на границѣ и англйскимъ флотомъ въ Босфорѣ, достигло бы освобожденн возставшихъ странъ. Но переговоры всегда и останутся переговорами и ничего не выйдетъ изъ нихъ.

Х. Дѣло теперь находится въ слѣдующемъ положенн. Средство, которое народъ своимъ дальнзоркнмъ инстинктомъ призналъ единственнымъ и которое разумъ и опытъ объявляютъ единственнымъ, было пренебрежено дипломатами, которые предпочли еще разъ испробовать свое собственное грошовое всеисцѣляющее средство, непригодность котораго была доказана уже около ста разъ. Дѣла шли своимъ чередомъ, всеисцѣляющее средство не привело ни къ чему. Какъ скоро турки замѣтили, что представители Ев-

роны готовы уступить имъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ, ихъ варварское лукавство подсказало имъ, что самое лучшее для нихъ—не уступать ни въ чемъ. Но не поздно послѣдовать разуму и опыту даже и теперь. Пусть народъ рѣшитъ снова, какъ рѣшилъ въ прошломъ году осенью, что средство, которое предписываетъ опытъ, должно быть наконецъ испробовано. Чтобы Россія отказалась отъ всѣхъ своихъ требованій, это кажется невѣроятнымъ; если бы даже русское правительство и думало о такомъ трусливомъ образѣ дѣйствій, русскій народъ не снесетъ этого. Но Россія не должна быть оставлена при исполненіи ея дѣла одна. Теперь совершенно необходимо, съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣть на дѣло, чтобы мы вошли въ искренній и дружескій союзъ съ Россіей; мнѣніе это уже не разъ излагалось, и я не стану здѣсь повторять всѣхъ аргументовъ, на которыхъ оно основывается. Все то, что я хочу теперь сказать, это—то, что народъ долженъ сказать снова въ 1877 году то же, что онъ высказалъ въ 1876 году. Въ 1876 г. народъ говорилъ „о болгарскихъ звѣрствахъ“. Не было съ тѣхъ поръ ни одного дня, когда бы онъ не читалъ извѣстій въ томъ же родѣ. Въ то время, какъ происходило прошлогоднее движеніе въ Англии, въ то время, какъ конференція разсуждала и уступала; турки дѣйствовали и забавлялись, какъ и всегда. „Звѣрства въ Болгаріи, жестокости въ Босніи“ (мы могли бы перечислить при этомъ всѣ страны, накопящіяся подъ турецкимъ игомъ) не прекращались ни на день; они никогда и не прекратятся, пока Турція не пойметъ, что Европа не будетъ долге переносить ихъ. Въ пьесѣ, которая должна заставить турокъ понять это, Англія должна сыграть свою роль. Послѣ прошлаго года народъ англійскій не можетъ отступить; онъ не можетъ предоставить туркамъ спокойно исполнять ихъ беззастыдливые дѣла. Противъ этого раздастся народный вопль. „Итакъ вы совѣтуете, скажутъ намъ, войну? Итакъ партія мира становится партией войны?“ Партія мира во что бы то ни стало никогда не можетъ стать партией войны, не измѣнивъ себя. Но партія, которая стоитъ противъ несправед-

ливой войны, можетъ безъ малѣйшаго колебанія поддерживать войну за правое дѣло. Никто и не желаетъ войны; нѣтъ никакихъ данныхъ предполагать, что она будетъ необходима; все, что мы должны мужественно принять, это то, что война можетъ стать необходимой. Ужасы турецкаго управленія должны быть прекращены; Англія сказала уже это. Они не могутъ быть прекращены словами. Но они могутъ быть прекращены средствами и кромѣ войны; имъ можетъ быть положенъ конецъ средствами, только подразумевающими возможность войны. Турки уступятъ только силѣ; ихъ умъ не знаетъ другого аргумента. Но изъ этого не слѣдуетъ, что аргументъ этотъ необходимо долженъ принять форму дѣйствительнаго употребленія силы. Турки могутъ уступить даже предъ показомъ этой силы, разумѣется только, если они будутъ увѣрены, что это — не простая выставка ея, но что сила можетъ перейти въ дѣйствіе при первомъ отказѣ или промедленіи. Если бы Европа убѣдилась, что словами ничего нельзя сдѣлать, если бы она согласилась оказать дружное давленіе на турокъ, иго юго-восточныхъ странъ могло бы быть сброшено безъ удара. Но давленіе должно быть такого рода, чтобы могло заставить турокъ понять, что ударъ можетъ разразиться въ первый же моментъ сопротивленія. Англія не можетъ отступить; Россія — также. Если бы онѣ отступили, если бы онѣ оставили туркамъ полный просторъ творить ихъ собственную волю, то это было бы равнозначительно тому, что воля Англіи и Россіи — ничто. Дѣла, которыя уже совершены турками, будутъ ничто сравнительно съ тѣми, которыя будутъ ими сдѣланы, если вся Европа позабудетъ свой общій долгъ, если Англія и Россія отступятся отъ ихъ священнаго долга.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки